

Юлия Шаманская

Милый белый свет

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-312.9
ББК 84(2)6
Ш19

Шаманская Ю. В.

Милый белый свет / Ю. В. Шаманская — Москва: ЛитРес:
Самиздат, 2020. — 66 с.

ISBN 978-5-532-04587-3

Опыт учит нас, что умирают всегда другие. Но когда жизнь близится к концу, ты уже хорошо знаешь, как следовало ее начать. Трудно поверить, что кто-либо, прожив жизнь, не считал бы ее в глубине души неудачной. Эта книга-притча обо всех людях на земле. Ведь почти все мы, за редким исключением, не умеем ценить то, что дарует нам "милый белый свет".

Глава 1

Вправо, влево, вправо, влево. Сияющий бриллиант-светлячок перед глазами, набирает обороты. Он качается в воздухе и ему нравится качаться, как ребенку на качелях. И я качаюсь. Такое знакомое чувство—воспоминание. Я в длинном дутом плаще, ярко-красном, с растрепанными темными волосами. Худая и длинная. Стою на сидении качели-лодочки. Напротив полноватая девочка поменьше ростом и возрастом. Мы по очереди приседаем и раскладываем лодочку вперед-назад. Ветром несет, как по волнам, внутри волнуются страх и восторг.

Много, много бриллиантов-огоньков перед глазами сливаются в сплошное сияние. Белый огонь, стреляющий разноцветными искрами, такими красочными, что радуга бы позавидовала. Глаза закрываются. Я ничего не чувствую, кроме волнения внутри. Смеси страха и восторга. Жизнь, она только начинается. Как раз теперь можно отбросить все, и кинуться в водоворот неземных ощущений, которые рядом, ближе, чем мое белье.

– Лилия! Проснитесь!

Белый свет и неприятный больничный запах. Открываю веки со скрипом. Пятно обретает форму – это белый халат. Ах, да! Доктор. Боже, как не хочется возвращаться. Почему после сладких снов всегда нужно просыпаться? О, нет!

Доктор улыбается, приподнимает верхнюю часть кушетки, там, где мои плечи и голова. Заботливо поправляет одеяло.

– Сейчас можно немного полежать. Хотите чаю?

Если я заговорю, все окончательно развеется. Раздвигаю губы в вымученной улыбке и киваю.

– Чайчик с мятой – то, что вам сейчас нужно! – Доктор хитро щурится. – Покурить не хотите?

Покурить? Зачем? Мне так хорошо ложится. Или он в постели разрешает? Нужно будет размыкать губы и прилагать усилие, чтобы вдыхать. Ой, как плохо, – тошнит.

Меня вырвало, а доктор, не стирая с лица улыбки, стоит у кушетки и с гордостью рассматривает рвотные массы.

– Ну, вот. Получилось! – заявляет он, – теперь, Лилечка, вы больше курить не будете.

Вообще-то, я хотела бросить пить. Но когда пришла к доктору записываться, столкнулась с коллегой по работе. Так вышло, что пришлось бросать курить. Эта привычка мне не мешала. Могу ходить на работу; не сделаю ничего неожиданного. А то, что сдохну быстрее, то это только к лучшему.

Если бы Лидка секретарша не поперлась к знаменитому доктору бросать курить, и мы бы не столкнулись на самой регистрации, то я бы уже была непьющая. Теперь же неизвестно, смогу ли я опять год копить. Доктор и, правда, хороший, но не дешевый. Да и с чего копить, если и так хожу по лезвию. Еще раз начальница нанюхает, и кранты. И будет в нашем доме трое безработных. Вернее, одна «чеснозаслуженная» пенсионерка и двое безработных. Пенсионерка, это мать мужа. Когда я вспоминаю о ней, – сразу хочется выпить.

Иду пешком через частный сектор. Доктор в нашем городе проездом, хотя и задержался года на три, но помещение снимает в одном доме, когда—то выстроенном под клинику нетрадиционной медицины. Строила дом цыганка. А потом у нее поменялись планы, чего—то там не вышло. Дом продали. А потом несколько раз перепродали. Что—то люди в нем не уживались. В конце концов, кто—то умный решил использовать дом по назначению, и теперь он разобран по кабинетам: в каждом из которых, принимает свой представитель нетрадиционной медицины – от гадалки Марии Иосифовны до китайца с иглами. Иван Долгунов – мой добрый доктор – тоже там. Называется психотерапевтом, в реальности является гипнотерапевтом. И сейчас он избавил меня от привычки курить. И сейчас я иду по прекраснейшей улице, с аккуратными одно и двух этажными домиками по обеим сторонам; пахнет цветущей вишней и сиренью,

и очень, очень хочется выпить. Домой идти сейчас, было бы безумием. Своим я сказала, что иду на работу, а на работе отпросилась к врачу. И все знали, к какому. Естественно, Лидок же постаралась! Я когда стала отпрашиваться, начальница без второго слова отпустила. Говорит, знаю, к кому записалась – хорошее дело. А я вот, говорит, без всяких докторов бросила. И не преминула съязвить: «Ты б еще от алкоголя закодировалась», а я «что вы, Наталья Николаевна, с этим у меня проблем нет».

Так или иначе, солнышко светит, запахи чудесные, даже новые какие—то в отсутствие сигарет. Пачку и зажигалку я выкинула в урну, чтобы не вызывать у себя лишний раз тошноту. Конечно, все это можно было бы отдать мужу, но честное слово,— мутит. Так что, я поступила эгоистично.

Доктор справился быстро. Пришла к нему на 10, а сейчас 12. Впереди чудесный свободный денек. Если идти по этой улице прямо, то можно выйти к морю. Я так и иду, но только в противоположном направлении. Нужно зайти в магазин.

Деньги у меня пока есть. Зарплата была совсем недавно, так что можно устроить праздник. А если праздник, то пиво не берем. Можно взять шампанское. Это будет так аристократично, ловко стрелкнуть пробкой. Со стороны гуляющих (в такой день, пусть и будний, их будет полно) одинокая девушка с длинными светлыми волосами, пьющая шампанское из горлышка, будет смотреться... футуристично. От шампанского у меня всегда игривое настроение, захочется общения – с кем-то познакомлюсь,... неприятности обеспечены. Значит, шампанское отменяется. Можно сладкое вино, но оно быстро грузит. Я или засну на пляже или припрусь раньше времени домой. Можно сухое вино, его можно выпить много, но что—то не хочется. Я сладкоежка, а «сухари» все кислые. Можно коньячку...слишком дорогое удовольствие. Решено – наберу сладеньких шейков. Для моих аппетитов нужно штук пять. Да, дорого-вато что—то выходит. Хотя, могу себе позволить.

Могу, но не позволяю.

Выхожу из магазина с покупками: в кулечке пол-литра водки и полторалитровая кола, жареные семечки и коробка мармелада

«Дольки». Птички поют. Направляюсь по той же улице в сторону моря. Жарко как летом. Расстегиваю куртку и складываю в кулек шапку и шарф. Пью колу, периодически проверяя уровень в бутылке. Мне нужно выпить пол—литра, чтобы развести водку один к трем. Так самый вкусный коктейль получается.

Заняла самую лучшую скамейку, вспугнув влюбленных студентов. Просто попросила разрешение занять свободное место. Проверенный метод. Летом эта скамейка все время пустует — она стоит на самом солнцепеке. А сейчас это то, что нужно. Солнышко прогрело деревянные доски, из которых она сколочена. Забираюсь с ногами, и изображаю ими что—то похожее на позу лотоса. Хорошо, что я сегодня в дутой куртке, джинсах и ботинках на плоской подошве. И вообще, сегодня на редкость удачный день! Вид у меня вполне приличный, что еще больше поднимает настроение: сидит себе девушка комсомолка—спортсменка, пьет колу из горлышка и ест мармелад, при этом любуясь разморенным в первых лучах солнца, опьяневшим морем.

Опьяневшим морем! Откуда такие ассоциации? Может потому, что я сама опьяневшая, и от первого солнца, и от коктейля. Хочется смеяться, но вокруг люди, еще вызовут скорую психиатрическую. От этой мысли хочется смеяться еще сильнее.

— Девушка! Девушка! Вам плохо?

Где я? Я так хорошо спала, а сейчас меня бьет по щекам какой-то мордovorот. И голос у него такой, как будто он за меня переживает. Бьет и переживает — забавно.

— Да, она просто пьяная!— пищит за его спиной женский голос,— оставь ее в покое.

— Да ты что? Как ее оставить? Уже темнеет!

— Это не наше дело!

Эта перепалка действует мне на нервы. Ясно, что уже не посплю. Пора сваливать. А где я все-таки?

— Смотри, она поднимается.

Опять этот писклявый голос. Меня от него тошнит.

— Осторожно, ее сейчас вырвет.

Если ты не перестанешь пищать, я точно вырву. Ну вот! Добилась своего! Меня выворачивает прямо на скамейку.

– С виду не бомжика. Может, мы отвезем ее домой?– неуверенно предлагает мужчина.

– Ни за что!– верещит женщина.– Она нам облюет всю машину!

– Что случилось?– спрашивает, только что подошедшая тетушка лет пятидесяти.

– Вот, нашли пьяную девушку. С виду приличная. Не знаем, что с ней делать,– объясняет мужчина.

– Ее только что вырвало, – как бы оправдываясь, добавляет его спутница.

– Надо ей помочь, – уверенно говорит тетушка, и обращается ко мне.– Девочка, где ты живешь?

– Не да, ик, далеко, сейчас пойду.

Пытаюсь встать, но ничего не получается.

– Помогите мне!– командует тетушка.– Проведите ее всего сто метров, я живу в том домике. Отсюда видать.

Меня ведут так быстро, что еле успеваю перебирать ногами. Мучает икота. Наконец, вносят во двор одноэтажного частного дома старой постройки. Хозяйка открывает дверь.

– Вот сюда, в кухню, на диванчик. Спасибо вам, помогай Бог.

– Это вам спасибо,– с облегчением вздыхает писклявая женщина.– Вы, видно, добрый человек!

– Чего уж там, ведь не собака она, а люди обязаны помогать друг другу.

– Если бы все так думали,– опять вздыхает женщина, но уже не так искренне. Она торопится к выходу.

Хозяйка провожает пару до калитки, а я осматриваюсь. Так и думала! Обстановка кухни чересчур простая не современная, но аккуратная. Чисто, так что в этой кухне мышь повесится, и тараканы от голода подохнут. Надо же, не подохли! Вот ползет один доходяга. Вокруг иконы. Везде. На каждой свободной поверхности. Перед ними закопченные лампадки и оплывшие свечечки. Значит, меня приютила добрая Самаритянка. Из тех, чудаковатых богомолок, которых периодически «пощипывают» все бомжи района. Я попыта-

лась встать. Получилось только сесть, но меня сразу же вывернуло, прямо на аккуратную шерстяную дорожку. В этот момент вернулась самаритянка.

— Что ты, что ты, деточка! Не вскакивай! Полежи немножко.

Она села у меня в ногах.

— Тебе плохо? Ну, полежи, сейчас я все принесу.

Я лежала и, молча, наблюдала, как женщина убирает то, что я наделала. Затем она развела в фаянсовом кувшине марганцовку, достала из—под серванта большой таз, предварительно вытряхнув из него в форточку двух черных тараканов. Затем она долго боролась со мной, заставляя пить и рвать, точно, как поступила бы мать со своим отравившимся чем—то ребенком. Я пила, рвала и думала, что эта женщина служит Богу безупречно.

Потом я пила куриный бульон, с вбитым туда яйцом домашней курицы, и плакала. Я рассказывала этой женщине, что жизнь моя пуста, что я никому не нужна. Что муж—бездельник, что свекровь—мегера, что родители любят только мою младшую сестру, что я не могу иметь детей, и что я не хочу жить.

Из всех этих жалоб, моя спасительница почему—то услышала, только ту, которая меньше всего меня волновала. Она спросила:

— Ты не можешь иметь детей? Почему? Что говорят врачи?

— Ничего, — нехотя ответила я, — говорят, что все в порядке.

— Ну, значит, все в порядке, — сказала она, — такое бывает. Просто Богу пока неудобно, чтобы ты рожала.

— Но я уже три года замужем и не предохраняюсь. Свекровь требует внучку, не смотря на то, что меня ненавидит. Сейчас на ребенка дают очень хорошее пособие.

— Поверь мне, — повторила она, — все в порядке, три года еще ничего не значат. Я с детства хотела иметь много ребятишек, а Господь благословил только одним сыночком, и то через десять лет брака.

Когда я, наконец, покинула дом доброй женщины, было десять часов вечера. Ничего, детское время. Скажу дома, что праздновали день рождения сотрудницы, и после работы зашли в ресторан.

Хорошо, что мобильник сел еще днем. Кстати, он еще есть? Проверяю внутренний карман. Странно, но и мобильник, и кошелек на месте. Значит, не обчистили. Это очень хорошо, иначе бы пришлось идти пешком через весь город. А так, сейчас выйду из частного сектора, поймаю такси, и домой. Да, сегодня удачный день!

Все-таки, Ильичевск не зря воображает себя безопасным городом. В этом мне пришлось убедиться не раз. Частенько после «передоза» с выпивкой, я оказывалась в чужих квартирах, и просто на улице. И ничего! Меня даже ни разу не обворовали. А дома я все время что—то врала. По большей части, что спала у мамы. А маме врала, что у меня мужчина, но пока женатый. И, в общем, страсть периодически захватывает в самое неожиданное время. Мама меня прикрывала, потому что ненавидела моего мужа и надеялась, что я от него уйду к кому—то, кто не будет «сидеть у меня на шее». Муж, при желании, мог бы раскрыть этот шитый белыми нитками заговор, но не хотел. Потому что, я его тоже прикрывала. Когда он уходил в запой, я врала его маме о существовании каких-то друзей, у которых он играет всю ночь в компьютерные игры и прочее. Раньше мы пили вместе. На том и сошлись. Но потом, мне надоело, что он пропивает заработанные мной деньги. Аппетиты у него большие, не то, что у меня. Гуляет с размахом, видимо, потому, что не на свои. Я перестала брать его с собой. Тогда он нашел каких—то старых друзей с деньгами. Они его поили, а он их развлекал, изображая всеобщее посмешище. Он хорошо выполнял свою работу шута, даже мог иногда дерзить. Но, как только чувствовал, что перегнул палку, поджимал хвост. Я знаю об этом, потому что первое время ходила с ним. Но быстро перестала. Это можно понять.

Мы с мужем давно перестали быть близкими людьми, но были нужны друг другу. Я думала, что будем вместе до самой смерти, ведь умрем рано. Только неизвестно, кто первый.

Странно, но люди вокруг нас ничего не замечали. Не то что бы совсем ничего. Но ни, намекающая на мой алкоголизм, начальница, ни родная мама, и даже не особенно пристрастная ко мне свекровь, не понимали положение вещей. Не видели края бездны.

Единственный человек, который бы всерьез огорчился в случае моей смерти – мама. Папа, – вряд ли. Его больше всего интересуют политическая ситуация в стране, глобальное потепление, и нашествие НЛО. Мама бы огорчилась, я уверена. Хотя, когда ее персона всплывает в разговоре, я всегда жалуюсь, что она поступила со мной нечестно. Что она занимается моей сестрой, а меня выкинула из своей жизни. Все это из-за квартиры, которая у меня была. Вернее, я долгое время думала, что была.

Когда мне было 17, умерла наша бабушка. После нее осталась однокомнатная квартира. На семейном совете решили, что квартира будет моей. Сестре было всего 14, а я уже невеста. Единственная оговорка в пользу сестры, что в случае, если я выйду замуж за богатого, и квартира мне будет не нужна, тогда я отдам ее сестре. Я с легкостью согласилась.

Жить мне в своей квартире пока не разрешали. Я поступила в экономический вуз на коммерческое отделение. Учебу оплачивали родители. Они говорили, что жить отдельно я смогу, когда получу образование. А студенческая жизнь полна соблазнов, и лучше, если я в это время буду под присмотром.

Мне нравилась моя квартира. Я следила за ней, убирала, покупала туда всякие милые штучки. И мечтала об окончании учебы, и о том, как буду жить совсем одна, и даже, может быть, никогда—никогда не выйду замуж. Мне так хотелось побыть одной! Мне хотелось быть одной бесконечно долго. Но я знала, что это невозможно. Разве что, если я стану отшельником где—то в Египетской пустыне. Хотя, говорят, и там уже стало слишкомлюдно.

Когда моей младшей сестре Соне исполнилось 17, я еще училась. Поэтому родители смогли устроить Сонечку только в самый дешевый вуз – педагогический. Она поступила, и почти сразу же забеременела, ушла жить к парню и бросила институт. Я бы с удовольствием присоединилась к когорте ахающих и осуждающих родственников, если бы не один нюанс: парень был не местный, а из какой—то деревни, и жил он в съемной квартире. Никто пока ни о чем не говорил, но мое сердце чувало...